
Из Поднебесной на Русский фронт: мобилизация российских подданных в Китае в годы Первой мировой войны

Елена Наземцева

From the Middle Kingdom to the Russian Front: Mobilization of Russian Citizens in China during the First World War

Elena Nazemtseva

*(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020115, EDN: HICWSU

Начало Первой мировой войны не оставило в стороне русских подданных, проживавших за пределами империи, в частности, в Китае. Вопрос об их численности к 1914 г. остаётся открытым, по разным данным она составляла от 50 тыс. до 170 тыс. человек¹. Это были консульские служащие, их охрана, торговцы, сотрудники Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), русских концессий, крестьяне, обосновавшиеся на китайских территориях в Маньчжурии и Синьцзяне, и т.д.

Мобилизация, объявленная в Российской империи 18 июля 1914 г., была завершена на 45-й день, удалось призвать 3 340 тыс. нижних чинов, 48 тыс. офицеров и чиновников. Кроме того, были приняты меры по организации ополчения: под знамёна стали около 780 тыс. ратников, в том числе 530 тыс. проходивших службу в войсках, 9,2 тыс. офицеров и чиновников².

Китай до 1917 г. оставался нейтральным. Власти приграничных с Россией провинций — Маньчжурии и Синьцзяна — сразу после начала войны издали распоряжения о необходимости «соблюдать строжайшую осторожность, не подавать поводов к недоверию русских», не приближаться к железнодорожным путям КВЖД, поддерживать атмосферу спокойствия и добрососедства. В Синьцзяне также просили оказывать особенно дружественное расположение к русским³. Российские же власти не исключали возможности провокаций со стороны Китая, особенно на КВЖД и в её полосе отчуждения. 20 июля 1914 г., по получении известия о начале войны, начальник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), дислоцировавшегося в Маньчжу-

© 2024 г. Е.Н. Наземцева

Автор выражает благодарность за помощь в предоставлении и переводе китайских документов Сунь Ичжи — лаборанту-исследователю Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ По данным Н.Е. Абловой — около 50 тыс. человек (*Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 71). По сведениям Н.Н. Аблажей, в Северо-Восточном Китае численность русских подданных составляла около 150 тыс. человек (*Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 30). В Синьцзяне в 1916 г. русских насчитывалось около 15,5 тыс. человек (*Лян Чжэ.* Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016. С. 146).

² Вооружённые силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. С. 433–436.

³ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 40, 63.

рии⁴, генерал-лейтенант А.А. Дмитриев пригласил помощника управляющего КВЖД генерал-лейтенанта М.Е. Афанасьева и генерального консула в Харбине В.В. Траутшольда на совещание для обсуждения возможности «в связи с событиями проявления враждебности к дороге со стороны Китая». Генконсул заявил, что оснований опасаться нет, однако так как КВЖД является стратегическим объектом, расположенным на чужой территории, он согласился, что в военное время необходимо оградить её «от всяких случайностей». Имелись ввиду как хунхузы, которые могли «проявить усиленную деятельность», так и германские шпионы. По итогам совещания Дмитриев принял решение перевести Заамурский округ на «второе положение» — усилить охрану КВЖД, установить наблюдение за мостами и т.д.⁵

Вести о войне русская общественность в Китае, как и в России, встретила бурно. Вечером 18 июля во время концерта в саду Железнодорожного собрания Харбина была устроена патриотическая манифестация. На следующий день в городах Китая, где находились российские консульства, появились красные объявления о мобилизации: подлежащим призыву запасным и ополченцам всех разрядов следовало явиться на призывные участки⁶.

Несмотря на принятый накануне войны план мобилизации, сразу возникла неразбериха относительно категорий призывников, в том числе русских подданных за рубежом. Первоначально мобилизация не затронула штатных чинов консульства как лиц, находившихся на государственной службе за границей. Однако все нештатные сотрудники консульств оказались резервистами и направились на призывные пункты. В итоге количество служащих сократилось, что не позволяло обеспечить деятельность консульств в полной мере. Консулы начали обращаться в МИД с ходатайствами об освобождении сотрудников от призыва «ввиду полной невозможности найти на месте удовлетворительных заместителей»⁷.

Генеральный консул в Кашгаре кн. Д.В. Мещерский в телеграмме в первый департамент МИД отмечал, что «среди служащих консульства [и] таможи [в] Кашгаре имеются запасные нижние чины, обязанные явиться к призыву, что является весьма неудобным для дела, лишая означенные учреждения большей части их служащих». Он просил МИД ходатайствовать перед военным ведомством о разрешении данным служащим остаться на местах, напоминая, что «подобный прецедент имел место в 1904 году [в] Маньчжурии»⁸.

Политическая ситуация в Синьцзяне с его особой этнокультурной средой была действительно сложной. Поэтому последствия вступления Российской империи в войну и отвлечение её ресурсов на военные нужды не застави-

⁴ Подробнее см.: Вишняков О.В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: 1897–1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; Степанов Е.И. Войска Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в годы Первой мировой войны и опыт их боевого применения // Интернет-журнал «Общество, государство, право». 2014. № 4. С. 1–6 (URL: <http://gosuprav.ru/PDF/15OGP414.pdf>); Чернявская Е.В. А.А. Брусилов: «Нижним чинам, участвовавшим в конной атаке, — моё спасибо и жалую всем Георгиевские кресты». Заамурцы в боевых действиях на Юго-Западном фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 1. С. 32–136.

⁵ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 56.

⁶ Там же, л. 53.

⁷ Там же.

⁸ Там же, ф. 143, оп. 491, д. 2881, л. 13.

ли себя ждать. Несмотря на изданные китайскими властями постановления о необходимости предупредительного отношения к российским подданным, на деле руководство Синьцзяна приняло меры к вытеснению из провинции России, утвердившейся здесь в начале XX в., и укреплению собственных позиций. Так, из отношения консула в г. Урумчи А.А. Дьякова китайскому уездному начальнику в г. Гучен от 7 апреля 1915 г. следовало, что китайцы выступили против приобретения русскими недвижимости. Дьяков объяснял, что «русско-подданные проживают и торгуют в Синьцзяне вообще и в Гучене в частности по закону, на основании договоров России с Китаем». В подтверждение этого он прилагал 13-ю статью Петербургского договора 1881 г. и пятую статью трактата, заключённого в 1858 г. в Тяньцзине⁹.

Мобилизация служащих вызывала опасения и у руководства КВЖД. Согласно «Инструкции для учёта и призыва офицерских и нижних чинов запаса армии и флота и ратников ополчения, проживающих в полосе отчуждения КВЖД», утверждённой 13 сентября 1910 г., военнообязанные делились на две категории: все служащие на КВЖД без различия должностей и не состоящие на службе. Лица, принадлежавшие к первой категории, состояли на «особом учёте» комендантов станций и освобождались от призыва в войска. Учёт второй категории, а также призыв офицеров производились комендантом Харбина. Полицейские учреждения КВЖД осуществляли оповещение о призыве. Запасные чины и ратники ополчения 2-й категории с объявлением мобилизации должны были направиться на ближайшие станции КВЖД, где поступали в ведение начальства Заамурского округа¹⁰.

19 июля 1914 г. управление КВЖД получило секретную телеграмму о том, что мобилизация не касается служащих железной дороги. Однако местное руководство сочло нужным запросить, обозначает ли КВЖД собственно дорогу, округ или и то и другое, поэтому призыв продолжался согласно правилам¹¹. Кроме того, 20 июля во все военные и пограничные округа были направлены срочные телеграммы за подписью военного министра В.А. Сухомлинова, в которых сообщалось о начале войны, однако части Заамурского округа ОКПС не мобилизовывались¹². В итоге сотрудников КВЖД и полосы отчуждения решили пока не призывать. На железной дороге объявили военное положение, по ней на восток шли эшелоны с германскими и австрийскими военнопленными¹³.

Управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват выступал против мобилизации сотрудников дороги и её служб. Он регулярно направлял в мобилизационный отдел комендатуры Харбина и правление КВЖД в Петрограде прошения об отсрочке для своих сотрудников, жителей Харбина и полосы отчуждения. 26 ноября 1914 г. он просил поставить на особый учёт и освободить от призыва запасных нижних чинов, состоявших десятниками у поставщика угля с Угловских копей Л.Л. Арцта. Прошение обосновывалось трудностью замены военнообязанных специалистов в малонаселённом крае и интересами

⁹ Там же, д. 429, л. 15.

¹⁰ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 804, л. 1–2.

¹¹ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 54.

¹² Пограничники России на фронтах Первой мировой войны 1914–1918. М., 2018. С. 81.

¹³ К середине января 1915 г. подразделения Заамурского округа ОКПС обеспечили конвоирование более 25 тыс. военнопленных, проследовавших на Дальний Восток в 22 эшелонах (Там же. С. 158, 159).

«успешности работы по добыче угля» для КВЖД¹⁴. Однако военный министр, несмотря на ходатайство по этому вопросу министра финансов, отказал¹⁵.

Серьёзно мешала призыву русских подданных из-за рубежа несогласованность МИД и военного ведомства. Информация об отмене мобилизации для всей русской колонии в Маньчжурии, о которой ходатайствовал Хорват, была получена спустя десять дней после её начала¹⁶. МИД снабдил посланника в Пекине В.Н. Крупенского подробными указаниями об этом, однако военное ведомство не сделало схожих распоряжений. 5 января 1915 г. Крупенский направил товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову письмо, в котором приводил случаи несогласованности действий военного ведомства по отношению к призыву русских подданных из Китая¹⁷. Внешнеполитическое ведомство обратилось за разъяснениями к Военному министерству. Как следует из отношения и.д. начальника мобилизационного отдела ГУГШ генерал-майора П.И. Аверьянова от 27 января (9 февраля) 1915 г., «10 октября прошлого года за № 9883 Главное управление Генерального штаба сообщило, что освобождение от призыва относилось ко всем русским подданным, а следовательно и к казакам». В то же время, «ввиду облегчившихся условий возвращения в Россию из-за границы, возбуждён вопрос о прекращении с 1 марта с[его] г[ода] названной выше льготы, после какого срока все русские подданные, проживающие за границей и обязанные явкой при мобилизации, должны будут явиться на Родину»¹⁸.

Проблемы при мобилизации находившихся за рубежом русских подданных возникали и из-за неурегулированности паспортной системы. Сразу после объявления мобилизации в российскую миссию и консульства в Китае стали обращаться за инструкциями русские запасные и ополченцы, выехавшие из России через Маньчжурию и не имевшие заграничных паспортов. В консульском уставе указания по этому вопросу отсутствовали, о чём 23 июля 1914 г. сообщил в Петербург поверенный в делах в Китае, первый секретарь русской миссии В.В. Граве. Однако на его просьбу о разъяснении ситуации чёткого ответа не последовало¹⁹.

В первые месяцы войны под влиянием патриотических чувств многие русские подданные отправлялись из Китая на фронт добровольцами. Так, в октябре 1914 г. генеральный консул в Шанхае В.Ф. Гроссе обращался к Крупенскому с просьбой снабдить его указаниями по отношению к российским эмигрантам, возвращавшимся из Австралии²⁰. Добровольцам из Харбина, не имевшим средств на проезд, управляющие КВЖД выдавали бесплатные билеты до г. Никольск-Уссурийского. Позднее эту льготу отменили²¹.

С началом войны в штаб Заамурского округа ОКПС начали поступать прошения чинов о переводе в действующую армию, но после согласования с Сухомлиновым, выразившим опасения по поводу сохранения боеспособности округа, они получили отказ. Тем не менее некоторым офицерам разрешили выехать на

¹⁴ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 804, л. 11.

¹⁵ Там же, л. 41.

¹⁶ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 301.

¹⁷ Там же, д. 2881, л. 23.

¹⁸ Там же, л. 25.

¹⁹ Там же, ф. 134, оп. 473, д. 8, л. 27; ф. 143, оп. 491, д. 2881, л. 8.

²⁰ Там же, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 236.

²¹ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 793, л. 27–28.

фронт (одним из первых убыл начальник штаба округа генерал-майор Н.Г. Володченко)²². Были и те, кто покидал округ и Харбин самовольно. Некоторым удавалось добраться до фронта, других задерживали и возвращали обратно. Иногда доходило до трагедий: Траутшольд приводил случай, когда бежавший фельдфебель, пойманный и возвращённый в Харбин, в отчаянии застрелился²³.

10 сентября 1914 г. Совет министров всё же разрешил откомандирование офицеров округа на театр военных действий. Осенью отбыли в действующую армию Генерального штаба полковник Шевцов, подполковники Петин, Филиппов, Эверт²⁴. Вскоре подтвердились ходившие в Харбине слухи об отправке на фронт целых частей. 28 октября 1914 г. на запад отправилась 2-я Заамурская железнодорожная бригада численностью 3 149 человек, сформированная по инициативе управляющего дорогой после согласования с министром финансов и военным министром²⁵.

10 февраля 1915 г. был получен приказ об убытии частей Заамурского округа ОКПС на Юго-Западный фронт²⁶. Подготовка к отправке в действующую армию проводилась тайно. Генерал А.А. Дмитриев все телеграммы о выступлении пограничников шифровал и расшифровывал лично, не показывая их даже своим ближайшим сотрудникам²⁷. О подготовке к отправке на фронт не были поставлены в известность ни генеральный консул в Харбине, ни даже управляющий КВЖД²⁸. Хорвату сообщил об этом в частной беседе Дмитриев. По его словам, в Маньчжурии предполагалось оставить всего три батальона пехоты и по сотне из шести конных полков. На место ушедших частей из Сибири отправлялись ополченческие дружины с отставными офицерами. Отъезд на фронт вызвал энтузиазм заамурцев: «По Харбину встречались радостные, возбуждённые лица офицеров, которые уходят, и наоборот, недовольные те, кому суждено продолжать службу в Маньчжурии». Уходившие на фронт ликвидировали свои дела, в газетах появилась масса публикаций о распродаже имущества²⁹. Эшелоны отправились на фронт 22 февраля, первыми убывали пехотные формирования³⁰. 1-й и 2-й Заамурские пограничные конные полки вошли в состав 11-й армии Юго-Западного фронта³¹, на фронте их называли «зелёными полками заамурцев»³².

В начале 1915 г. был объявлен очередной призыв на фронт. 9 февраля посланник в Пекине и консулы получили циркулярную секретную телеграмму, в которой объявлялось о мобилизации после 1 марта всех чинов запаса армии и ратников ополчения 1-го разряда, не проходивших военной службы, в возрасте до 36 лет включительно³³. Это известие вызвало новую волну вопросов среди

²² Степанов Е.И. Войска Заамурского округа... С. 2.

²³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 25.

²⁴ Степанов Е.И. Войска Заамурского округа...

²⁵ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 793, л. 41.

²⁶ Степанов Е.И. Войска Заамурского округа...

²⁷ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 40.

²⁸ Там же, л. 39.

²⁹ Там же, л. 40.

³⁰ Там же, л. 41.

³¹ Пограничники России... С. 161.

³² Там же. С. 164. Всего за годы войны Заамурский округ ОКПС за счёт личного состава и мобилизованных запасных чинов дал фронту 17 пехотных и шесть конных полков. На их базе были сформированы пять пограничных Заамурских пехотных и одна конная дивизии (Там же. С. 168).

³³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2881, л. 34.

российских служащих в Китае. Траутшольд полагал, что «в самом существенном месте, где определяется та категория ратников I разряда, на которых призыв распространяется, в телеграмму вкралась неясность». Однако он не решился публиковать новость, не получив из российской миссии в Пекине специального разъяснения. Неясность вновь касалась паспортных проблем и заключалась в том, что русские подданные, находившиеся в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, проживали там по внутрироссийским паспортам, не имея заграничных. В связи с этим было непонятно, приравнивались ли они к обычным подданным Российской империи и распространялся ли на них новый призыв. Кроме того, генконсул опасался волны негодования со стороны харбинского общества из-за отмены предоставленной в 1914 г. отсрочки³⁴. Только после согласования с Хорватом Траутшольд разместил объявление о мобилизации в газете «Харбинский вестник»³⁵. Там же было опубликовано разъяснение самого управляющего КВЖД о том, что новый призыв не касается полосы отчуждения дороги. Разъяснение, кроме того, напечатали вместе с объявлением генконсульства на листке экстренных телеграмм газеты «Новости жизни»³⁶.

Однако многие патриотически настроенные жители Харбина продолжали считать, что пребывание на территории КВЖД не должно являться основанием для освобождения от исполнения «священного долга перед Родиной». Особенно активно выступала газета «Восток», приветствовавшая консульское объявление статьёй под заголовком «Иначе не должно быть»³⁷.

В других регионах Китая мобилизация российских подданных имела свою специфику. Например, консульство в Тяньцзине не было отягощено вопросом КВЖД и действовало спокойнее, своевременно оповестив об очередном призыве всех подлежащих ему лиц. Через заведующего полицией на русской концессии в Тяньцзине числящиеся в запасе военные чины и ратники ополчения 1-го разряда получили под расписку объявления о призыве, после чего мобилизуемые явились в консульство с просьбой указать, когда именно они должны покинуть Тяньцзинь. Не имея специальных распоряжений и основываясь на общих правилах мобилизации, консульство разъяснило, что призывники должны выехать в кратчайший срок после 1 марта 1915 г. Большинство действительно покинуло Тяньцзинь с первым прямым поездом в Мукден, но некоторые из них отказывались ехать добровольно. Управляющий консульством К. В. Успенский просил императорскую миссию в Пекине снабдить его инструкциями относительно предельного срока сбора мобилизуемых и мер, которые должны быть приняты в случае их уклонения от явки. Он просил разъяснить, распространяется ли на проживающих в Тяньцзине ветеринарных врачей циркуляр министра внутренних дел, напечатанный в «Правительственном вестнике» от 24 февраля 1915 г., согласно которому мобилизации подлежали врачи до 43 лет, зачисленные в ополчение 1-го разряда³⁸.

Только 19 февраля 1915 г. Министерство иностранных дел направило посольствам и миссиям телеграмму № 933 с перечислением должностей, занятие которых освобождало от возвращения в Россию и призыва в армию. Среди таковых значились состоявшие на службе и прикомандированные чины пра-

³⁴ Там же, д. 218, л. 41.

³⁵ Там же, л. 43.

³⁶ Там же, л. 85.

³⁷ Там же, л. 86.

³⁸ Там же, л. 34.

вительственных учреждений (МИД, министерства финансов, торговли и промышленности и др.), нештатные генеральные консулы, консулы, вице-консулы, консульские агенты и их секретари, юрисконсульты, врачи, смотрители зданий, канцелярские служители, письмоводители, драгомань, переводчики, стражники и др.; псаломщики, а также служащие в администрации и полиции в дальневосточных концессиях. Исключение составляли лица, достигшие призывного возраста и впервые привлекаемые к отбыванию воинской повинности: им надлежало отправиться в армию. Всё вышеизложенное относилось к нижним чинам запаса и ополчения, относительно освобождения офицерских чинов ожидалось дополнительное сообщение³⁹.

Однако вопрос о призыве русских подданных с территории КВЖД и из полосы отчуждения продолжал обсуждаться вплоть до начала лета 1915 г. МИД поручил Траутшольду составить директивы консулам о том, на кого должно распространяться допущенное для полосы отчуждения изъятие из правила о призыве после 1 марта. На совещании генконсула с Афанасьевым, комендантом Харбина полковником Ф.И. Курмеем и полицмейстером капитаном Р.А. фон Арнольдом постановили следующее: никто более не мог быть принят на воинский учёт в Харбине или на территории КВЖД. Лица, проживавшие в районах Китая, которые не относились к КВЖД (например, в Мукдене и Тяньцзине), снимались с учёта в Харбине и подлежали действию циркуляра о призыве после 1 марта. Считались свободными от призыва лица, работавшие на концессиях в Северной Маньчжурии, обслуживавшие КВЖД, а также проживавшие на расстоянии не более 50 вёрст по обе стороны от полосы отчуждения (сюда были включены такие китайские города, как Хайлар, Цицикар, Фуцзянь, Нингута). Для лиц, обязанных по роду занятий или службы выезжать за пределы полосы отчуждения в более отдалённые районы Китая (например, для закупки зерна или скота), вводились разрешительные свидетельства от полиции, которые выдавались на основании консульских охранных листов с обозначением цели и продолжительности поездки. Проект инструкции генконсул представил в МИД и миссию⁴⁰.

Осенью 1915 г. последовал очередной призыв, на этот раз касавшийся и проживающих в полосе отчуждения КВЖД. Красные листки с объявлением о призыве, расклеенные по городу 31 августа, произвели на население «ошеломляющее впечатление своей неожиданностью»⁴¹. Очередная волна мобилизации уже не вызвала энтузиазма ни у местных российских властей, ни у общественности. Так, Хорват высказывал генконсульству неудовольствие тем, что его не предупредили о решении правительства. Противник призыва на фронт служащих дороги и полосы отчуждения с самого начала войны, он приводил правлению КВЖД все те доводы, которые принимались во внимание в 1914 г., когда мобилизация ещё не распространялась на русскую колонию в Маньчжурии. Хорват был искренне обеспокоен интересами железной дороги, функционирование которой могло нарушиться из-за отказов поставщиков от выполнения подрядов. Для этих опасений имелись все основания. К примеру, купец первой гильдии, крупный строительный подрядчик, владелец многочисленных предприятий, концессий, недвижимости на Дальнем Востоке России

³⁹ Там же, л. 42.

⁴⁰ Там же, л. 218, л. 189.

⁴¹ Там же, л. 301.

и в Маньчжурии Л.Ш. Скидельский⁴² заявил управляющему КВЖД, что распускает своих служащих и сам идёт на фронт⁴³.

Проблема усугублялась и тем, что среди русских в Маньчжурии доля мужчин призывного возраста оказалась особенно велика. Военное ведомство рассчитывало, что призыв из полосы отчуждения даст фронту 4 тыс. человек, т.е. пехотный полк. Траутшольд так характеризовал обстановку в Харбине, которая теперь резко отличалась от патриотического подъёма первых месяцев войны: «Всюду слышны вздохи, стоны. Хозяева плачут, что приходится расстаться с лучшими, опытными служащими. Много их перебивало у меня за эти дни, как, например, целая депутация иностранных коммерсантов, нуждающихся в своих русских служащих и не знающих, как их заменить и как быть без них». Многие не успевали устроить или ликвидировать свои дела, «бросали всё на произвол судьбы, умоляли комиссара о причислении их на службу в таможне, служащие которой освобождались от призыва»⁴⁴.

Хорват продолжал ходатайствовать об отсрочках для разных категорий служащих КВЖД и жителей полосы отчуждения — например, для учеников и учителей школ и гимназий Харбина⁴⁵. Он писал в Петроград: «Мобилизация застала Маньчжурию врасплох, и притом берут не постепенно, как в Центральной России, а сразу запасных и ратников, не дав никому ликвидировать и устроить свои дела. Таким образом, край поставлен в критическое положение, и я убедительно прошу ходатайствовать о представлении месячного срока для ликвидации дел, иначе положение призванных и дороги может оказаться безвыходным»⁴⁶. Проведение мобилизации в полосе отчуждения «показало, что при общем количестве призываемых около 3000 чел[овек] останавливается вся деловая жизнь. Уже не функционируют мельницы, сахарный завод, и должны прекратить свою работу почти все общественные управления за выбытием самых ответственных агентов, начиная со старост и их помощников. Харбинский городской совет остаётся буквально без служащих во всех своих отделах, то же происходит у всех подрядчиков, от правильного действия предприятий коих зависит работа дороги. Ввиду сего... настоятельно подтверждаю необходимость неотложного ходатайства об отмене мобилизации в полосе отчуждения дороги»⁴⁷. Однако военное ведомство на большинство этих просьб отвечало отказом⁴⁸.

Возникали многочисленные вопросы по поводу мобилизации в провинции Синьцзян: оставалось неясным, освобождались ли от нового призыва ратники, аксакалы и народные судьи. Для Западного Китая этот вопрос имел особое значение: российские подданные этих категорий помогали сохранять стабильность в регионе и предотвращали этнические конфликты, поэтому Крупенский запросил МИД о необходимости снабдить консулов в Синьцзяне специальными указаниями⁴⁹.

⁴² Подробнее см.: *Пай С.С.* Фанзавод Скидельского в 1917–1922 годах // Рассеяны, но не расторгнуты. Приложение к журналу «Клуб директоров». Владивосток, 2012. С. 38; *Черепица В.Н.* «От Волковыска до Харбина». Торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX — середина XX в.) в документах и материалах. Гродно, 2011.

⁴³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 301.

⁴⁴ Там же, л. 302.

⁴⁵ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 804, л. 52, 53, 57, 61, 64.

⁴⁶ Там же, л. 57.

⁴⁷ Там же, л. 61–62.

⁴⁸ Там же, л. 79, 96, 100, 125.

⁴⁹ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2884, л. 8.

Для урегулирования постоянно возникавших паспортных проблем консулы в Китае вновь подняли вопрос о введении обязательной регистрации русских подданных⁵⁰. До войны это решение постоянно откладывалось, но теперь предложения были учтены — по приказу российского МИД в Китае вводилась обязательная регистрация русских подданных в консульских округах. При этом каждый консул имел возможность учесть специфику своего округа. 19 марта 1916 г. постановление опубликовал «Харбинский вестник», однако местная общественность неоднозначно восприняла это нововведение. Уже на следующий день в газете «Новости жизни» появилась заметка её редактора О.А. Шейнфельда, выступившего против введения регистрации и заграничных паспортов и назвавшего эту меру «новым тормозом русскому делу в Маньчжурии»⁵¹.

Очередной призыв русских подданных из Китая в 1916 г. вызвал со стороны российских консульств новые, ещё большие, чем в 1914 и 1915 гг., волны уточнений и просьб об отсрочках. Начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба вынужден был направить в МИД очередную пояснительную телеграмму о том, что по соглашению соответствующих министров отсрочку получали ратники 1-го и 2-го разрядов, проживавшие в полосе отчуждения КВЖД и поселившиеся в ней до апреля 1916 г. На остальных ратников эта льгота не распространялась⁵².

Призыв 1916 г. серьёзно нарушил деятельность как КВЖД, так и всех русских предприятий в Китае. Консулы продолжали ходатайствовать об отсрочках для лиц, деятельность которых играла, по их мнению, критически важную роль. По такому поводу В.Ф. Гроссе в октябре 1916 г. представил прошение ратника 2-го разряда призыва 1900 г. одесского мещанина С. Серебрянникова, который ходатайствовал о предоставлении ему отсрочки в связи с тем, что он выполнял заказы по снабжению армии⁵³. Серебрянников являлся контрагентом поставщика А.Л. Животовского и поставлял в Россию металлы и джутовые мешки, вёл переговоры с австралийской «Marshakk Shoe» о поставке в российскую армию большой партии обуви⁵⁴.

Управляющий чугучакским отделением Русско-Азиатского банка обращался к консулу в Чугучаке В.В. Долбежеву с ходатайством об отсрочке для своего служащего И.В. Горбунова. Последний происходил из казачьего сословия Семиреченского казачьего войска, на момент предыдущей мобилизации был лишён воинского звания и поэтому не подлежал призыву. Однако к июню 1917 г. он уже пользовался правами российского гражданина и должен был отправиться на фронт⁵⁵. Управляющий отделением банка просил об отсрочке в связи с тем, что «Горбунов очень нужен для отделения, и заменить его в Чугучаке другим лицом не представляется возможным»⁵⁶.

⁵⁰ Подробнее см.: *Наземцева Е.Н.* Деятельность консульств Российской империи в Китае по урегулированию правового статуса российских подданных в 1913–1917 гг. // Россия и Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XIV международной научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 204–212.

⁵¹ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2319, л. 63.

⁵² Там же, д. 2881, л. 58.

⁵³ Там же, д. 358, л. 110.

⁵⁴ Там же, л. 111.

⁵⁵ Там же, д. 2898, л. 52, 53 об.

⁵⁶ Там же, л. 54.

Призыв 1916 г. ставил под угрозу и русские крестьянские поселения в Западном Китае, о чём в секретной телеграмме от 16 августа 1916 г. за № 1127 сообщал в МИД и российскому посланнику в Пекин управляющий консульством в г. Шарасумэ В.Ф. Люба: «Последним призывом русские посёлки Алтайского округа, не успевшие закончить полевые работы, ставятся в безвыходное положение, теряя почти всё взрослое мужское население. Семьи, оставаясь без защитников и опасаясь разорения от враждебно настроенных китайских киргиз, умоляют об отсрочке»⁵⁷.

В итоге Нератов вынужден был обратиться к управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому с просьбой о прекращении призыва из Китая и Монголии. Он определил три направления «русского внедрения»: «Во-первых, открытые для торговли города Собственного Китая и Маньчжурии; во-вторых, полоса отчуждения Китайской Восточной железной дороги, и в-третьих, прилегающие к нашим пределам части Западного Китая, как то: Алтай, Тарбагатай, Урумчийский округ, Илийский край и Китайский Туркестан»⁵⁸.

Оставив в стороне анализ положения на КВЖД, а также в её полосе отчуждения как находившихся «относительно призыва на войну её мужского населения в особых условиях», Нератов подробно остановился на двух других направлениях. В частности, он отметил немногочисленность русского населения в Восточном Китае, состоявшего «почти исключительно из торговцев и небольшого числа лиц, служащих в китайских правительственных учреждениях с согласия и одобрения русского правительства, поощряющего такую службу по политическим соображениям». Российская же торговля, сосредоточенная в концессиях в Тяньцзине и Ханькоу — центре чайной торговли, — имела, по его справедливому мнению, государственное значение. С начала войны военнообязанные призывались из этих частей Китая в общем порядке, и лишь по отдельным ходатайствам предоставлялись отсрочки лицам, оставление которых являлось особо желательным. Основываясь на донесениях консулов, министерство у Певческого моста приходило к убеждению, что лишение отсрочек тех лиц, которым они были даны на определённые сроки, и дальнейший призыв военнообязанных грозили «совершенно подорвать наше торговое положение в сказанных портах Китая». Нератов акцентировал внимание на том, что «ведение коммерческих операций в такой своеобразной стране, как Китай, требует особой долговременной подготовки и практики, что всякая утрачиваемая нами позиция занимается нашими конкурентами». Особо опасными он считал немцев, которые продолжали заниматься торговыми делами и пользовались любым ослаблением своих противников. Между тем задача устранения опасного для России влияния Германии на Дальнем Востоке была признана союзниками — Францией и Англией, которые, кстати, как сообщали российские агенты, решили воздержаться от дальнейших призывов своих коммерсантов в Китае. МИД рекомендовал последовать их примеру. Консулам предлагалось составить, «во избежание злоупотреблений», именные списки лиц, действительно занимающихся торговлей или промышленностью в качестве самостоятельных предпринимателей или служащих»⁵⁹.

⁵⁷ Там же, д. 2881, л. 57.

⁵⁸ Там же, д. 2898, л. 8.

⁵⁹ Там же.

По мнению Нератова, ещё сложнее обстояло дело в областях Западного Китая: «Здесь основой нашего влияния на местную жизнь является наличие значительного инородческого населения, коренного и пришлого, состоящего в русском подданстве. При отдалённости всех этих местностей от Пекина, недостатке путей сообщения и преобладании некитайского элемента в провинции, они фактически находятся в слабой зависимости от центра, и наш консул, опирающийся на многочисленные и богатые колонии из русских и инородцев, тесно связанных тысячами нитей с краем, играет важную роль и имеет возможность оказывать желательное нам воздействие на все почти стороны жизни. В руках этих инородцев главным образом сосредоточена русско-китайская торговля, при слабой конкуренции китайских подданных, принуждённых платить сборы и пошлины, от которых по договорам освобождались русские. Наши консульские отчёты свидетельствуют, что торговый оборот этих областей достигает крупных размеров как по ввозу, так и по вывозу. Отлив этих инородцев в случае призыва их на работы внесёт, конечно, громадное расстройство в торговлю, если бы даже, как указывает военный министр, ограничились призывом лиц в возрасте от 19 до 31 года. Нельзя упускать из виду, что Западный Китай является крупным вообще, а при настоящих обстоятельствах особенно важным вывозным рынком для сырья, в котором так нуждается Россия и, между прочим, военное ведомство. Переход, хотя бы частичный, торговли в руки китайцев во всяком случае удорожит закупку и поведёт к сокращению вывоза, принуждённого приспособляться к новым условиям. Но ещё более важны с точки зрения Министерства иностранных дел те политические последствия, к которым поведёт проектируемая мера». Поэтому МИД пришёл к убеждению «в настоятельной необходимости» прекратить дальнейшие призывы военн-обязанных из Китая и Монголии, продлить предоставленные ранее отсрочки и, наконец, совершенно отказаться от призыва на работы проживающих в Китае и Монголии инородцев — русских подданных⁶⁰. Все эти предложения внешнеполитического ведомства Совет министров утвердил 7 октября 1916 г.⁶¹ Спустя 12 дней информацию об отмене призывов русских подданных из Китая получили консулы в их округах⁶².

При проведении мобилизаций не обошлось без провокаций. Один из инцидентов произошёл в Гирине. 5 марта 1916 г. в местной газете «Цзи-чань-жибао» появилось объявление от имени русского консула В.Ф. Братцова⁶³ об открытии набора иностранных солдат. Объявление было подписано китайцами Цзун Фаньюй, Чжао Хайшань, Ян Цинянь и другими (всего шесть подписей). В тот же день российский консул обратился с просьбой к комиссару по иностранным делам провинции поместить в следующем номере газеты опровержение ложных слухов, «неизвестно кем и с какою целью пущенных, и обязал редакцию не печатать никаких объявлений от имени русского консула»⁶⁴. 6 марта опровержение напечатали как комиссар, так и сама газета, извещавшая о провокации в особой заметке: «Новость Гирина. Ничего подобного набору солдат. Третьего дня зашёл в редакцию один человек по фамилии Чжао Хайшань, который называл себя человеком русского консула, принёсшим объявление в газету

⁶⁰ Там же, л. 9.

⁶¹ Там же, л. 5, 39.

⁶² Там же, л. 49.

⁶³ Возможно, В.А. Братцев (Братцов).

⁶⁴ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 756, л. 36.

о наборе солдат и проч. Вчера русское консульство через Цзяо-шэ-шу по телефону сообщило, что вовсе нет дела о наборе солдат. Наша редакция также подробно разузнала, и действительно всё оказалось выдумкой. Опасаясь, что податели объявления имеют тайное намерение возмущать и вовлечь в свои сети тёмный народ, редакция сочла своим долгом поставить о сём в известность наших читателей»⁶⁵. Одновременно комиссар сообщил российскому консулу, что автор объявления обнаружен и предан суду⁶⁶.

Из расследования стало известно, что автор сообщения — китайский подданный Чжао Хайшань, уроженец северного предместья Мукдена, бродяга без определённых занятий. Раньше служил в качестве кули в консульствах в Куаньчэнцзы, немного говорил по-русски. В конце февраля 1916 г. он прибыл в Гирин и занялся перепродажей опиума. Потом через своего друга познакомился с начальником 9-го полицейского участка сельской полиции Чжао Циньнянь, которому и предложил способ получить деньги, сказав, что он приехал в Гирин специально с целью набрать для русского консула 500 человек солдат. Чжао Циньняню он предложил занять должность полковника (тунлин) этого нового отряда⁶⁷. Чжао Хайшань решил сделать объявление в газете о наборе иностранных солдат русским консулом. 18 февраля он составил такое объявление и опубликовал его, затем пошёл в публичное заведение «Пинь-цин», где был арестован и препровождён в полицейский участок на допрос, затем передан в Штаб (Цзян Цзюньшу) для разбора дела и наказания⁶⁸.

В то же время китайское руководство в некоторых случаях защищало от мобилизации русских специалистов, нанятых на китайские предприятия. Так, 21 сентября 1915 г. фэнтяньский цзянцзюнь (генерал-губернатор) отправил в МИД Китайской республики телеграмму, в которой просил вступить с российской стороной в переговоры об освобождении русских специалистов, работавших на Хуланьской сахарной фабрике, так как их мобилизация затруднит работу последней⁶⁹. Согласно сведениям, полученным китайским МИД от российского посланника в Пекине Н.А. Кудашева, на фабрике работали 16 русских специалистов, двое из которых уже были мобилизованы. Военное министерство России после запроса Кудашева разрешило отсрочить мобилизацию для остальных специалистов до января 1916 г., однако после истечения этого срока предписало призвать ещё восемь человек⁷⁰. В связи с тем, что даже после этого на фабрике оставались шесть русских работников, китайское правительство сочло ответ Кудашева и действия российского военного ведомства вполне удовлетворительными⁷¹.

Таким образом, мобилизация российских подданных в Китае вызвала ряд организационных проблем, связанных как с действиями российских властей при осуществлении мобилизационных мероприятий, так и со спецификой положения русских подданных за пределами Российского государства. Значительно осложняли положение проблемы во взаимоотношениях заинтересованных министерств — военного и иностранных дел. Последнее обращало внимание на

⁶⁵ Там же, л. 42.

⁶⁶ Там же, л. 36.

⁶⁷ Там же, л. 44.

⁶⁸ Там же, л. 45.

⁶⁹ Academia Sinica. 03-01-018-04-001.

⁷⁰ Ibid. 03-01-018-04-004.

⁷¹ Ibid.

чуждые военному ведомству проблемы сохранения политических и экономических позиций Российской империи в Китае и в регионе в целом. Имели место и сбои в работе военно-бюрократического механизма: в дальневосточные и центральноазиатские военные округа часто не доходили указания и данные о призывах, что приводило к многочисленным путаницам и проблемам.

Мобилизация и последующие призывы оказали значительное влияние на работу главного российского стратегического объекта в Китае — КВЖД. Уход на фронт частей Заамурского округа ОКПС создал угрозу безопасности в регионе и на дороге; положение осложнялось прибытием на её станции десятков тысяч военнопленных.

Призывы негативно сказывались на деятельности русских торговых и финансовых предприятий, дипломатических представительств, осложняли ситуацию и призывы крестьянского населения из приграничных с Россией провинций Китая — Маньчжурии и Синьцзяна. Всё это сопровождалось частыми нарушениями прав русских подданных в Китае и привело к потере Российской империей своих позиций на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.